

Кис Драм

(трезвый с 11 мая 1976 года)

запись этого выступления сделана в городе Лафлин, штат Невада, 22 мая, 1999 года.

Всем привет! Я – алкоголик. Меня зовут Кис.

По милости Бога, Анонимных Алкоголиков, комнат, наполненных такими людьми, как вы и небольших усилий с моей стороны, я не пью и не наркоманю с 11 мая 1976 года. И за это я бесконечно благодарен. Я признателен за то, что меня пригласили выступить здесь и считаю привилегией возможность находиться в Анонимных Алкоголиках. И я благодарен ребятам из моей домашней группы за то, что пришли поддержать меня.

Мне повезло. Я трезвый 23 года, а люди, которые видели меня, когда я пришёл сюда, по-прежнему рядом со мной. «Малышка» Джек Каллахен, который пришёл ко мне с 12-м Шагом, до сих пор жив. Он живёт в городке Фортон штат Калифорния. Я звоню ему каждый вторник и всегда слышу от него о том, какой я был красавчик, когда он пришёл ко мне домой 10 мая 1976 года. Он также всегда спрашивает меня, где я буду выступать. Когда я сказал ему о вашем приглашении, он попросил меня признаться, что без него мне бы было нечего сказать вам. Делаю это с благодарностью. Мой первый спонсор – «мерзкий» Рон – тоже здесь. Известнейшая личность. Вон он сидит с ребятами из моей группы.

Он видел меня в моём самом «лучшем» виде. Я тогда всё знал. Сколько нужно знать, до того как ты узнаёшь, что ничего не знаешь? Спросите своего спонсора. Он вам скажет. Я счастлив, что «мерзкий» Рон среди нас. И я глубоко признателен «старой гвардии».

Получились прекрасные выходные. Я всегда радуюсь, проводя время с друзьями в АА. У меня здесь много близких людей. Я благодарен за долголетие этих связей. Как это здорово быть вместе и быть трезвыми!

В мире становится более спокойно, потому что я на собрании Анонимных Алкоголиков. Все, кто знает меня, рады, что я на собрании Анонимных Алкоголиков. И я счастлив, что нахожусь на собрании Анонимных Алкоголиков. Потому что, когда я здесь, мои желания и мои нужды абсолютно одинаковы. Я хочу быть здесь. И мне надо быть здесь.

Моя жена хотела приехать сюда вместе со мной. Но она, по-моему, президент служения планеты Земля, ну, или что-то в этом роде... Поэтому ей пришлось остаться дома и командовать Ал-Аноном всего мира – держать их всех в узде. Иначе она была бы здесь, чтобы поддержать меня. Мы с ней вместе уже 39 лет. Мы подходим друг другу. Она, кстати, тоже безумно рада, что я трезвый и что я занят делом в Анонимных Алкоголиках.

Если вы новичок, то соберите на несколько минут до кучи вашу задницу и мозги, пока я тут буду делиться с вами маленьким кусочком АА.

Не знаю, родился ли я алкоголиком, но когда я впервые выпил – алкоголик родился. Первый раз я попробовал алкоголь, будучи ещё совсем мальчишкой. Но я

помню это. Ведь он сделал для меня то, что было нужно. Мне стало на всё наплевать. У меня были все, свойственные алкоголикам, чувства, о которых мы часто говорим. Они мучили меня. Я не понимал их и не знал, что с ними делать.

Я рос в семье алкоголиков, но знаю, что совсем не обязательно быть выходцем из такой среды, чтобы оказаться в АА. По меньшей мере, пять поколений моей семьи были алкоголиками. Мне хватило этой информации. Я не стал копать дальше в семейном древе. Я вырос в семье эгоистичных, безумных, себялюбивых, эгоцентричных неврастеников и умудрился остаться живым. Я совсем не обижен на них. Да, если подумать, никогда и не был на них в обиде. Ведь в 36 лет я оказался на собрании Анонимных Алкоголиков, где меня встретили эгоистичные, безумные, себялюбивые, эгоцентричные неврастеники, которые сказали мне: «Добро пожаловать! Ты – дома!» Поверите ли, но кое-что из тех вещей, которым я научился, чтобы выжить в своей семье, пригодилось мне для выживания в Анонимных Алкоголиках. Так что я не в обиде.

Я родился в Техасе, что не делает вас алкоголиком, однако само по себе является заболеванием. Чтоб вы поняли, о чём я, вот пример разницы между обычной сказкой и тexasской сказкой. Обычная сказка начинается: «Когда-то давным-давно жили-были...» А тexasская сказка начинается: «Вы не поверите в эту херню, но я всё равно вам сейчас расскажу...»

Мой отец – адвокат. Но я и на это не в обиде. Он годами работал на меня за аванс. Он, кстати, тоже был алкашом. Сейчас он трезвый. Но в своё время он часто работал пьяным, и у него осталось чувство вины по этому поводу. При возможности я пользуюсь этим...

Однажды, по пьянке, мы оказались в одной камере. Я спросил его: «Ну, и как ты собираешься меня защищать? Мы же вместе сидим». Он ответил: «Не волнуйся. Нас поведут в суд одновременно. К тому же, я знаком с судьёй!»

Отцу сейчас 84 года. У меня на 14 месяцев больше трезвости, чем у него. И я не даю ему забывать об этом. Я всегда хотел первенства над своим отцом, но не знал, что мне придётся для этого прийти в АА. Семейное выздоровление – это моя история. Анонимные Алкоголики сохранили мою семью. Сегодня мы с отцом близкие друзья. Он позвонил мне на днях и рассказал, что сыграл 18 лунок гольфа и отлюбил 69-летнюю женщину дважды. Он пояснил, что важно сначала отыметь женщину, а уж потом играть в гольф... Я сын своего отца. Я хочу быть таким же, как он. Он – молодец. По-прежнему живёт в Оклахоме, и мы с ним часто видимся, чему я очень рад.

Мы с женой вместе уже 39 лет. Нам довелось пройти через большую часть заболевания. У нас дочь, которой 36 лет. Три месяца назад она родила нам внука. Последние 15 лет наша дочь живёт в Италии в Милане. Она активный член Ал-Анона. Они с моей женой состоят в нём 23 года без каких-либо перерывов или отпусков. Это то, с чем я пришёл в Анонимные Алкоголики – со своей семьёй, заразившейся от меня алкоголизмом.

Когда я пил, то вечно попадал в крупные передраги.

На этой земле есть три категории людей: те, кто ждёт, что что-то произойдёт, те, кто наблюдает за тем, что происходит и те, кто вершит происходящее. Я из этой

последней категории. Я тот, кто создавал ситуации. Куда бы я ни подался – там всегда начинались неприятности.

В раннем возрасте мой дядя, который был врачом, поставил мне диагноз «сверхактивный ребёнок». Мне прописали амфетамины, чтобы замедлить меня. Я и по сей день не знаю, зачем давать кому-то наркоту, в которой столько энергии, что чувствуешь себя, словно летишь со скоростью 200 км/ч, не двигаясь с места. Но я не жаловался. Я сразу полюбил это состояние. Оно только улучшило качество моего пьянства. И, соответственно, поспособствовало тому, что я дольше продержался на плаву.

К 18-ти годам я уже был женат и разведён пару раз. Я не дурак. Я, конечно, больной, но не тупица. Одна из этих дамочек была дочерью человека, который входил в десятку самых богатых людей в Техасе. Через 9 месяцев после этой женитьбы мой тесть позвал меня к себе и сказал: «У меня много денег». «Я заметил это» – кивнул я в ответ. Он продолжил: «Я бы не заработал таких денег, делая плохие вложения. А ты – плохое вложение». Короче, брак был аннулирован. Думайте, что хотите.

Я занимался небольшим бизнесом в Техасе – перевозил и продавал сельскохозяйственную продукцию – урожай безобидного растения под названием марихуана. Я торговал ею, а не курил её. Это большая разница. Потому что, если вы курите её, то вам надо идти в НА. А если вы только продаёте её, то тогда можете приходить в АА. С этим делом я попал в мелкую передрагу в городе Фотр-Уорт (штат Техас) – меня повязали. Деваться было некуда. Пришлось отмотать небольшой срок.

Когда меня выпустили, я сразу позвонил своим лучшим друзьям «Жирному» и «Гусю». Я попросил их встретить меня на железнодорожном вокзале в Амарилло (штат Техас). У меня было 100 долларов. Я купил себе билет на поезд, полгаллона (почти 2 литра) виски и пакет беников*. Выпил виски и поехал... Приехав, я увидел своих корешей, которые ждали меня. Они сидели в стареньком грузовичке «Chevy». Батарея у них сдохла, потому что они сидели там уже полтора дня и всё это время слушали радио, хавали «экстази» и глушили самогон...

Я заглотил горсть беников, запил это дело «белой молнией»** и меня размазало по стене... Бум! Ничего ещё не произошло, а я уже был в полной уверенности, что шикарней и быть не может. Эйфория предварительного ожидания частенько лучше кайфа.

Потом я залез к ребятам в грузовичок и заявил им, что надо менять свою жизнь и что мне пора завязывать общаться с такими отбросами, как они. Ведь именно из-за них я постоянно попадаю в какие-то неприятности. Ну, и ещё из-за женщин. Мне всегда попадаются больные на всю голову... Постройте их в шеренгу и я всегда выберу безошибочно самую рехнувшуюся. Каждый раз!

Ребята соглашались со мной и понимающе кивали...

Был субботний вечер, когда мы въехали в город. Мы отправились в клуб, где народ танцевал «кантри». В перерыве, пока музыканты отдыхали, я вышел на улицу в поисках приключений. Там стояли ковбои с танцплощадки. Я во всеуслышание объявил: «Пахан вернулся! Кто тут у вас самый крутой? Подходи, коль не страшно!»

Пара хорошо подданных паренёв бросилась ко мне. Я врезал одному из них и, увернувшись от другого, забежал в женский туалет, потому что понимал, что в такую потасовку без каски не суется – там могут и башку проломить...

Дамочку, которая стояла в туалете, я попросил: «Дорогая, дай мне знать, когда бойня закончится». Спустя несколько минут, она высунулась за дверь, а потом сказала мне: «Можешь выходить, ковбой». Вечер продолжился. Музыканты играли. Она под боком. А я не трачу время впустую.

Я пригласил её потанцевать, и мы разговорились. Я спросил: «Ты откуда? Я тебя раньше здесь не видел». Она ответила мне: «А ты откуда? Я тоже тебя раньше здесь не видела». Я объяснил, что меня намеренно выпустили из тюрьмы. Как выяснилось, она совсем недавно вышла из приюта для матерей-одиночек. Узнав об этом, я воскликнул: «Эй, лапонька, мы созданы друг для друга!» Больных ведь тянет к больным.

У неё была машина, водительские права, работа, денежный счёт в банке – она подходила мне по всем параметрам. Ведь у меня не было ничего из этого!

Так мы с ней наскоро построили то, что с лёгкой руки можно было назвать семьёй. Мы встречались всего две недели, а нас уже стали называть «молот и секира». Бойня продолжалась безостановочно. Я порой не сразу понимал, что она очередной перепалкой закончила нашу ссору, начавшуюся неделю или две назад. Жестокие, brutальные отношения.

Я не собираюсь ни с кем спорить, что хуже – словесное или физическое насилие. Потому что я разговаривал с теми, кого бил. Я старался, как мог!

Она лупила меня всем, что попадалось под руку. Ничего не боялась.

Я знал, что это – любовь, потому что в этом было столько боли... Это просто не могло быть ни чем иным! Конечно, любовь! А что же ещё?!

Через два года она заявила мне, что беременна. Я не помню, как это произошло. Видимо это случилось, когда я пересек ту самую «невидимую черту». В ответ на это я предложил ей подтолкнуть машину до перекрёстка и добавил, что если при этом у неё не будет выкидыша, то я готов жениться на ней. Ведь жена должна быть здоровой! А что я, по-вашему, должен был ей сказать? Не пойду же я записываться на какие-то там курсы... Короче, со здоровьем у неё оказалось всё в порядке и мы поженились. У нас родилась дочка. Жена продолжала работать. У неё всегда была работа. А я – вор. Я не любил работать. Мне нравилось воровать. У меня не было никаких угрызений совести по этому поводу. Ну, разве что, когда меня ловили. Вот тогда мне бывало стыдно. Но это чувство было недолгим, потому что я начинал искать, как мне выкрутиться. На стыд просто не было времени. Я делал то, что мог. Старался выжить. Это было чистое безумие.

Однажды я решил перебраться в Калифорнию. Мой дружок, которого называли «враль-коротышка» сказал, что я смогу найти себе работу на ранчо в сорока милях (приблизительно 64-х километрах) западнее Лонг-Бич. Правда, если глянуть на карте, то это получается прямо в океане... Но, я поверил ему. Мы погрузились. Жена, ребёнок, собака и кот забрались в старенький универсал с прицепом, и мы двинулись в Калифорнию. По пути я прихватил пакет беников. В результате мы месяц ехали от Оклахома-Сити до Лос-Анджелеса. Большинство людей проделывают этот путь за 3 дня. Безумие продолжалось. Пока мы ехали, пёс

всё время сидел у меня за спиной и заливал мне шею слюнями. Когда нас обгоняли другие машины, он начинал гнаться за ними внутри нашей машины, бился головой о стекло, падал на кота. Они начинали драться. Дочь начинала ныть. Жена начинала ругаться. А я начинал пить. Так мы жили «только сегодня» в течение 30-ти дней. Моя жизнь нынче не особо отличается от моей жизни, когда я пил. Я живу, словно завтра не будет.

Мы добрались до Калифорнии. Нашли «коротышку». Он пил в чёрную... Мы сняли домик в аренду. С одной стороны нашими соседями были байкеры, а с другой – кучка хиппи. Нам там было комфортно. Я до этого никогда не видел хиппи. Они торчали на ЛСД и валялись нагишом у себя на участке, дожидаясь рассвета. А почему бы и нет? Я заглянул к ним. Они угостили меня ЛСД. После этого я пошёл в кино на «Космическую одиссею 2001 года»***. Когда сеанс закончился, у меня не было сомнений, что это документальный фильм.

Болезнь прогрессировала. Я постоянно куда-то мотался в поисках заработка. Однажды я решил поработать нефтяником. Поехал на Аляску. Потом я оказался в Луизиане. Спустя где-то месяц я вернулся домой. Со мной приехала ещё пара моих новых дружков. Они не хотели ехать к себе домой, потому что там им бы пришлось скандалить со своими жёнами. Вместо этого они предпочли посмотреть, как я буду воевать со своей... Они стояли позади меня и подбадривали: «Врежь ей!» Им было просто говорить! Попробовали бы они быть на моём месте! Ведь у моей жены в руках был тесак для бойни скота!..

Однажды я отключился через 15 минут после начала очередной двухчасовой разборки. Жёны, знаете ли, не любят этого. Она слегка порезала мне спину этим ножом. Когда я пришёл в себя, то сразу взвыл: «Ой, у меня что-то со спиной!» Она предложила: «Дай посмотрю». При этом на лице она изобразила самую невинность. Задрала мою рубашку и сказала: «Да у тебя тут воспаление! Это всё от виски, которое ты хлещешь! Дай-ка я протру тебе спину этиловым спиртом». Знаете, меня давно баптисты пытались крестить, чтобы приблизить к Христу. Но этот спирт подвёл меня ближе к Нему, чем всё остальное!

В конце концов, я в очередной раз стоял перед судьёй. У него не было сомнений в моей виновности. В процессе всех этих слушаний, кто-то ходил в коридорах суда и раздавал буклеты Анонимных Алкоголиков. Я взял один и сунул в карман на всякий случай. Я понятия не имел, что такое АА. У меня была своя программа.

И вот я стоял перед судьёй. Он смотрел моё дело. Там было полно физического насилия, всякой всячины... ну, и раз 50 меня арестовывали за угрозы, драки и оказание сопротивления при аресте. И не скажу, что я был забиякой, но страх – странная эмоция. Люди, пугаясь, либо стопорят, либо газуют. Я же летал на страхе, как на гоночной машине. А это в итоге всегда приводило к плачевным ситуациям.

Судья приговорил меня к «от 3-х до 5-ти лет» зоны. Тогда я вытащил из кармана ту самую брошюрку и заявил: «Я пойду в АА!» Меня привели в комнату, где собрались полицейские, адвокаты и судебные представители. Там все они решили отправить меня к Анонимным Алкоголикам. А мне-то какая разница? Я

ведь даже не представлял, что это такое. Страх по этому поводу у меня не было. Меня отправили – я пойду!

Так вместо тюрьмы судебный пристав отвёз меня домой. Моя жена ещё до этого ходила к какому-то адвокату, который посоветовал ей отправить меня в АА. Я рассказал жене о постановлении суда и постарался внушить ей, что это было её идеей. По-моему, она поверила. Вот и хорошо! Пойдём в АА.

Мне уже сообщили о собрании недалеко от моего дома, которое начиналось в 8 вечера. Жена спросила меня, во сколько оно начинается и я сказал, что вроде бы в 8:30. Я завалился на диван. А она подошла ко мне с тем самым тесаком и, держа его у меня перед носом, сказала: «Подъём!» Пришлось встать. Мы залезли в наш старенький универсал Форд. Она отвезла меня к какой-то церкви. В машину набилась вся семья: мы с ней, дочь, собака, кот... Наш задрипанный универсал мерзкого горчичного цвета в раскорячку дотащился до церкви, возле которой висел плакат «Собрание АА здесь!». И я помню, как подумал: «Ну, вот я и докатился до дна...»

Вот он – снобизм из канавы. Я сижу в этом коричневом драндулете, горчично-дерьмового цвета – их выпускали всего один год!.. распродавали по дешёвке!.. И я не хочу, чтоб меня кто-то заметил. Мой дом покрашен в четыре разных цвета, две давно умершие ржавые машины стоят перед домом, все дверные косяки в доме словно взорваны, разобранный мотоцикл валяется на крыльце, а я сижу в машине возле собрания АА и боюсь, что кто-нибудь увидит, как я иду просить помощи! У меня всё под контролем. Я вот-вот сам разрешу все свои проблемы.

Моя жена почувствовала, что я в сомнениях, сунула мне нож под нос и спросила: «Во сколько заканчивается собрание?» Я ответил: «По-моему, в 10». Она сказала: «Значит так, дружок, если твоя харя появится в дверях до 10-ти, я тебя распотрошу».

Я пошёл на это собрание АА, сидел там, смотрел вокруг, пересчитал все панели и лампы на потолке, волосы в ушах и на затылках тех, кто сидел вокруг меня... Помню, как я подумал, что когда состарюсь, то у меня тоже будут расти волосы в ушах. Я пересчитал всё, что можно было найти в этой комнате. Я не нашёл ничего общего с этими людьми. Лично я бы не сел бухать ни с одним из них и тем более не стал бы продавать им наркоту. Я продолжал поглядывать на стеклянную дверь, но жена сидела в машине прямо у выхода. Так что мне пришлось остаться в этой комнате до конца собрания. Я стал ходить на одно собрание в неделю. Потом я приходил домой и валялся на диване. Так и продолжалось: наступал понедельник, мы выходили из дома, садились в коричневый тарантас и ехали на собрание. Я тупо отсиживал там, пока она ждала меня в машине, а потом мы возвращались домой. Я не слушал, что там говорят и ничего ни у кого не спрашивал. Уверен, что люди смотрели на меня и видели моё явное отсутствие готовности. А с моей женой они уж точно не хотели связываться! Самое грустное, что рядом проходило собрание Ал-Анона... Но она считала, что у неё всё в порядке.

Четыре месяца я посещал собрания раз в неделю и больше ничего не делал. Я не пил и не пользовал наркоту. Но это был самый паршивый период в моей жизни.

А моя жена говорила, что это было самое лучшее время за многие годы. И всё-таки удивительно, что если не пьёшь, то у окружающих меняется отношение к тебе... Я вновь завоевал её доверие и мои судебные дела разрешились самым лучшим образом. Однажды она спросила, не хочу ли я сам съездить на собрание. Я поехал один, сразу уволился из Анонимных Алкоголиков и моментально напился. Моя жизнь тут же изменилась. Уверяю вас, что она становится только хуже. Я помню, как один старый козёл сказал на собрании: «Мы не гарантируем вам, что вы больше никогда не выпьете. Но мы гарантируем, что вы больше никогда не получите от этого удовольствия». Помню, как я его возненавидел... Я даже приехал как-то раз пьяным туда, где проходило собрание, и ждал, когда он выйдет, чтобы задавить его. Но, как позже выяснилось, он тоже постоянно срывался и больше не приходил на это собрание. Я не удивлюсь, если пил после этого где-нибудь вместе с ним и не узнал его.

В течение следующих четырёх лет я приходил в АА и снова уходил оттуда. Больше уходил, чем приходил. Я ходил на собрания пьяным. Я ходил на собрания трезвым. Приходил на собрания трезвым, а в перерыве уходил, напивался и потом возвращался на собрание. Однажды очнулся и обнаружил, что я на собрании АА. Испугался. Не помнил, привезли меня туда или я сам добрался. Как-то раз пошёл на Алкафон*****. В тот день я напился и протрезвел несколько раз, находясь в АА. Я ничего такого не вытворял. Просто напивался и тихонько сидел себе там. Не знаю, может быть, это и называется «контролировать употребление алкоголя». Но это противное состояние. И, в конце концов, приходит момент, когда ты просто сдаёшься. Я помню, как сидя на одном из собраний, вдруг стал размышлять о том, что первый раз, когда я попал в неприятности из-за пьянства, это стоило мне 100 долларов, второй раз это обошлось в \$200, потом это стоило \$500, потом \$1000, а последний раз я попал на \$5000. И вот после 4-х лет пьянства я продолжаю приходить в Анонимные Алкоголики, то попадая в неприятности, то вылезая из них. Неспроста говорят, что волны прошлого последуют за нами сюда. Со мной сюда прикатились большие волны. У меня были сплошные заморочки.

И то же самое можно было сказать про всю мою семью. Моя дочь жила в задней части дома, как раненое животное. Волосы закрывали её лицо, и она бегала по дому, издавая странные звуки. Она держала всё, что было дорого ей в коричневом бумажном пакете. Я помню, как я стоял на кухне и пил виски прямо из бутылки. Вдруг я глянул в конец коридора. Там стояла она – маленькая девятилетняя девочка – и смотрела на меня исподлобья. Она не подбежала и не сказала: «Пап, поиграй со мной». Она смотрела на меня, а я на неё. Я сделал ещё один глоток из бутылки, но не от стыда, что она увидела, чем я занимаюсь. Я давно уже перестал испытывать это чувство. В нашем заболевании есть места, куда можно прийти, и которые находятся далеко за пределами любого стыда. Есть там и мрачная зона, в которой можно жить, и которая находится за пределами даже самой страшной ненависти. И всё потому, что у меня на полную катушку включен феномен тяги. Мне было необходимо пить. А моя дочь просто хотела знать, в каком направлении я двинусь, чтобы она могла побежать в другую сторону. Я знаю, что такое стоять в ванной и, вливая в себя очередную порцию, увидеть в отражении зеркала девчушку, смотрящую на меня через дыру в двери. Эту дыру я

когда-то пробил ногой. Наши глаза встречаются, и я отчётливо понимаю, что жидкость, которую я продолжаю пить, обладает мной, а не я ею. У меня больше нет выбора. Я осознаю это даже не на уровне мысли. Я также знаю, что никакая молитва из тех, которые я способен пробормотать, не остановит этого. Нет больше ни надежды, ни веры. Есть только абсолютная, полная безнадежность. Сумасшествие. Безумие!

Я считаю, что алкоголик – это пьяница, у которого есть совесть. Просыпаясь после очередной отключки или будучи полупьяным, я смотрел на себя в зеркало, и не было никаких сомнений, что я не хочу быть тем, кем являюсь! Я не хочу себя так вести! Что-то там, внутри меня, прекрасно знало разницу между «правильно» и «неправильно». Но я продолжал вливать алкоголь или глотать таблетки... и тогда понимание этой разницы исчезало.

А моя дочь смотрела на меня через отражение в зеркале и она не просила: «Папа, пойдём играть. Папа, пожалуйста, не бей меня и маму». Она не говорила ничего такого. Она только хотела знать, куда я пойду, чтобы мчаться в противоположном направлении. Я знаю, каково ползать по дому на карачках, когда всё внутри кричит: «Мне надо выпить! Неужели вы не понимаете?!» «Мне надо выпить!!!» – единственная мысль, которая сверлит мою голову. Это за пределами любой молитвы, логики или моральных ценностей. Это далеко за пределами Анонимных Алкоголиков, баптизма и вообще всего, через что мне довелось пройти. И вот я ползаю по комнатам, потому что внутри меня всё кричит – кричит громче всего, что я когда-либо слышал: «Мне надо выпить! Дайте мне дозу! Дайте мне что-нибудь!» Снова и снова, и снова... И я бормочу вслух: «Дайте! Дайте! Дайте! Где?! Где это?! Дайте же!!!» Я заползаю в комнату дочери, лезу к ней под кровать и достаю её обшарпанную копилку. Крутой мужик – я ворую деньги у своей дочки. Алкогольное эго: я на коленях сортирую центовые, десятицентовые и двадцатипятицентовые монеты. Не понесу же я центовые медяшки барыге или продавцу в ликёрке! Я появлюсь, сверкая серебром!

Не знаю, как у вас, но у меня, когда я делаю такие вещи, появляются глаза на затылке. Я склонился на коленях над горстью монет и, оглянувшись, увидел, как моя девятилетняя дочь прячется в кладовке. Она не пошла в школу в тот день, потому что у неё синяк под глазом и разбита губа. И я уверен, что имел к этому отношение. Для неё проще отсидеться в кладовке, чем пойти в школу, потому что, видите ли, если она придёт туда в таком виде, то там сообщат куда следует, и папулю заберут. Это не так уж и плохо. Она сможет расслабиться. Но потом меня выпустят. Я вернусь домой. И тогда настанет час расплаты. Потому что, когда ты видишь, как я совершаю эти, вызывающие жалость, непостижимые, деморализующие вещи, то мне необходимо оставить тебе какую-нибудь болезненную память, которая вытеснит твои воспоминания о том, что я делал. Можешь не сомневаться – будет именно так. И ты никогда не знаешь, как это произойдёт. Будучи самым лучшим отцом, которым я мог быть в этот день, я дал ей юркнуть у меня за спиной, не тронув её.

Своей ревностью и завистью мы растаскивали человеческие души, когда пили. И только став трезвыми, мы можем говорить о том, как это влияет на всех нас.

Больше всего на свете я хотел, чтобы моя дочь любила меня. Я много где побывал, много в чём участвовал, и сменил много разных сомнительных компаний... Меня мало чем можно было всколыхнуть. Но мне раздирало душу то, как я относился к своей семье, зная, что поступаю неправильно. Я любил этих людей больше всего на земле. Они – моя семья. Они – моя кровь! От этого не откреститься. И алкоголик прекрасно знаком с этой болью, когда он совершает такие поступки.

Однажды, выходя из десятидневного, беспробудного запоя, я приполз домой и отрубился на диване с девятизарядным пистолетом 22-го калибра на груди. Когда я пришёл в себя, моя дочь лежала на полу в шести футах (почти 2 метра) от меня. Она была в каком-то грязном платье, волосы закрывали лицо. Её единственным другом тогда был кокер-спаниель, которого она подобрала где-то на улице. Приоткрыв один глаз, я увидел, как этот пёс лижет ей лицо. Он любил её больше, чем мог я. Ревность, зависть и бешенство, которые я испытал, вынудили меня выстелить в этого пса 9 раз. Последнюю пулю я пустил ему между глаз, в шести дюймах (около 15-ти сантиметров) от головы моей дочери. Её мать стояла в этой же комнате. И никто не заплакал и не закричал. Ни звука. Потому что, если покажешь эмоции – ты следующий.

Я говорю об алкоголизме. О терроре. Об ошеломляющем ужасе. Понимаете, я умираю. А вы любите меня. Поэтому вы – рядом.

Помню, как я стоял перед судьёй в маленьком городишке Бэйзин, штат Невада. Судья говорил со мной обо мне. Он знал, что перед ним тот, кто должен здесь стоять. Я погубил человеческую жизнь в пьяной драке в баре. Я был в очередном многодневном запое и, как это часто случалось, ввязался в драку. Я ударил какого-то парня и убил его. Но меня оправдали. Самозащита. А я знал, что виновен, что не было там никакой самозащиты. И мне жутко хотелось крикнуть судьбе: «Не тот человек погиб! Неужели вы не понимаете?! Это не правильно Вы должны что-то сделать! Не отпускайте меня! Остановите! Заберите!» Но снаружи я не показал ничего такого, потому что алкогольное эго стояло на пути. Вместо раскаяния на моём лице сияла кривая, наглая улыбочка. Ведь мои кореша сидели в зале суда, и я должен был показать им, что мне на всё это наплевать. А судья знал, что я виновен и сказал мне об этом. Он был озадачен моим полнейшим отсутствием чувства вины или сожаления о случившемся, но ничего не мог поделать.

Штат Техас признал меня психопатом. В Большой Книге Анонимных Алкоголиков сказано, что через какое-то время мы уже не можем сказать, что истинно, а что ложно. Это и есть определение психопата.

А тогда я стоял перед судьёй в штате Невада, накачанный бениками и вином, не выказывая ни одной из свойственных нормальному человеку эмоции. И для меня это было абсолютно нормальным.

Я знаю, каково, очнувшись в два часа ночи в постели с женщиной, которую любишь больше всего на земле, увидеть у неё синяк под глазом и разбитую губу и не помнить, но быть уверенным, что ты имел к этому отношение. А потом бежать по коридору с содроганием от ужаса... Бежать в комнату, где лежит в кроватке девятилетняя девочка... Прикладывать ухо к её лицу, чтобы услышать дышит она

или нет. Потому что убийство этих двух существ для меня всего лишь вопрос времени. Неужели вы не понимаете?! Всё потому, что они любят меня! А я ненавижу себя. У меня отвращение к самому себе. Я не живу и не умираю. Всё во мне исковеркано. Вот ведь как.

Мы привлекаем к себе либо тех, кого любим больше всего, либо тех, кого боимся больше всего. Одно из двух. В этом нет золотой середины. Самое любимое или самое страшное. И всё самое дорогое ускользало от меня.

У человека можно забрать всё и он по-прежнему останется человеком, есть лишь одно исключение. Если ты потерял своё достоинство, то больше терять тебе нечего. Ничего не остаётся. А я продал свою душу за глоток алкоголя. В полном смысле этого слова. И я жил таким образом не один день или неделю, или месяц... Я жил так последние 4 года.

В конце концов, я оказался в отеле барачного типа в городе Тафт штат Калифорния. Там можно было снять комнату где-то за 50 долларов... в год! На тот момент я задолжал 250 тысяч «зелени» людям, которым не напишешь письмо и которым нельзя предложить: «Давайте я буду высылать вам по 100 долларов в месяц». Я был совершенно обезумевшим. Прятался. Беспробудно пил и торчал. Я никак не мог остановиться. Алкоголь и наркота уже перестали выполнять для меня свои функции. А я всё равно продолжал пить. Я не мог бросить. Это был тот самый феномен тяги, заставляющий меня принимать очередную дозу. Я перебрался туда в январе 1976 года. А 6 мая 1976 года я выполз оттуда в очередной раз и отправился домой. Потому что я один из тех алкоголиков, которые возвращаются. Я появился дома. Жена с дочкой сразу решили уехать, потому что их терпение лопнуло. Жена сказала мне: «У меня больше нет к тебе ненависти. Но и любви тоже нет. Я не могу оставаться здесь с тобой». Они начали собираться. А я несколько дней подряд ползал на четвереньках по кухонному линолеуму вдрызг пьяный. Я – весь из себя такой крутой – ползал, мычал... и не мог встать на ноги.

Наконец, я позвонил Анонимным Алкоголикам ещё один раз. Вот ведь что самое херовое: напиваешься и если ты не умер, то приходится возвращаться в АА. Ко мне с 12-м Шагом приехал человек, которого звали Джек Каллахен. Маленький Джек. Обожаю его.

Когда он приехал, я встретил его не с любовью и нежностью. Вместо этого я приставил к его голове пистолет и сказал: «Если ты попытаешься отправить меня в психушку, я порешу тебя прямо здесь». А он сделал то, что, я знаю, ему никогда не приходилось делать ни до, ни после этого случая. Он выхватил из моей руки пистолет, толкнул меня на диван и сказал: «Если ты хочешь делать что-то по поводу своей болезни, я останусь». Странно, но в тот момент я повёл себя вполне резонно и затих. Жена и дочь прятались в другой комнате. Он пошёл к ним и сказал, что поможет мне. Он сказал, что видел меня раньше на собраниях и что он отвезёт меня в детокс. Я – продукт детокса! Не могу сказать о детоксе ничего плохого, потому что никогда до этого там не бывал. Я ходил в Анонимные Алкоголики 4 года и никак не мог остаться трезвым на хоть какой-то существенный срок. В лучшем случае мне удавалось не пить 4 месяца.

И вот ходил я к Анонимным Алкоголикам, слушал все эти чудесные истории, разгорался желанием той хорошей жизни, о которой вы рассказывали, приходил

домой и заявлял, что я теперь активно участвую в АА, что всё у нас будет прекрасно и что жить мы теперь будем по программе. Тут жена просила у меня денег. Я выписывал чек, который в банке ей возвращали за отсутствием средств. Мы ругались... и я напивался. Потом я снова шёл в АА, сидел на собраниях и глотал слюны, засматриваясь на женщин. После этого я приходил домой и говорил своей уставшей, замотанной жене: «Иди в спальню! Я секса хочу!» Она отвечала: «Хватит. Ты уже достаточно поиздевался надо мной. Сегодня ты спишь на диване». Мы ссорились. Я уходил, брал проститутку и бухал с ней. А потом я снова шёл на собрание Анонимных Алкоголиков и слушал рассуждения о том, что мы прекратили бороться с чем-либо и с кем-либо. Затем я снова возвращался домой, где жена опять требовала то денег, то ещё чего-то... Она размахивала руками у меня перед лицом... Начиналась драка... Сыпались удары... Бум! И опять я нажирался, потому что дома ничего не менялось. Хотя я ходил на собрания АА, дома царила атмосфера алкоголизма. Там всё было как прежде.

Пока я сидел в детоксе, до меня дошло, что мне придётся измениться. В этой жизни существуют абсолютные понятия. И тот факт, что для улучшения ситуации приходится менять то, к чему привык, является одним из моих абсолютных понятий с тех пор и по сей день. Опять же, это моё понятие. Я не знаю, какие они у вас.

Уже больше 23 лет я никого не ударял. Насилие должно было прекратиться. В книге действительно сказано, что мы прекратили бороться с чем-либо и с кем-либо... Я больше никого никогда не бил.

Я не изменяю своей жене уже 23 года. И даже не потому, что у меня не было таких возможностей. А потому, что я обязан возместить ей ущерб, который нанёс за годы. И это привносит в отношения то, о чём я ничего не знал - *доверие!* Доверие. Проклятие вора заключается в том, что в какой-то момент он перестаёт доверять даже самому себе. А ведь я не знал этого. Ну, как ты можешь доверять Богу, если ты сам не внушаешь доверия?

За 23 года я не выписал ни одного чека с безденежного счёта. Не могу так больше поступать. А ведь я тот самый кадр, который когда-то, распихав 100 долларов в восемь разных банков, навывисывал чеков на 8000 долларов! Теперь я так не делаю.

Я пошёл тогда на собрание Анонимных Алкоголиков в детоксе. Нас там было 39 человек. Я искренне благодарен тем, кто организовал госпитали и психушки для таких, как мы. И я помню, как впервые увидел «мерзкого» Рона и других ребят, пришедших в детокс госпиталя Святого Иосифа. Мне был необходим спонсор, чтобы меня выпустили оттуда. Я также был обязан работать по Шагам. Так я наконец-то написал свою первую инвентаризацию. Это была моя история от рождения до где-то лет 12-ти. Как видите, я сразу полез глубоко в проблему. Я просидел в этом детоксе 6 недель. Делал какие-то задания, не понимая, что именно я делаю. Я пробыл там достаточно для того, чтобы обрести физическую трезвость. Они объяснили мне это. И я услышал их! В последний день в детоксе собрали всех нас (39 человек) вместе и дали всем высказаться по кругу. 38 человек заявили, что я – рубаха-парень, но забухаю на следующий же день. У меня сразу появилась первая настоящая АА-евская обида. Они мне так и сказали: «Ты пойдёшь пить».

Я их послал подальше. Хотя, если честно, в тот момент я серьёзно подумывал над этим.

Если вы новенький, вот что я вам скажу – плюньте на голосование! Я единственный из 39-ти, кто сегодня трезвый! Это не соревнование в популярности, уверяю вас! А все те, кто сказал, что я пойду квасить, преподали мне очень ценный урок. Они ведь честно говорили, что думают. Да, они вынесли суждение. Но ведь оно основывалось на моём поведении! О нас всегда судят по нашим действиям. Однако, тот факт, что 38 человек из 39-ти проголосовали против меня, словно зажгёт во мне огонь. Всё внутри меня словно закричало: «Да пошли вы все к чёрту! Я останусь трезвым!» И я полтора года умудрялся оставаться трезвым на адреналине этой обиды. Говорю вам, это возможно! Трудновато, но возможно. Из 39-ти человек только 11 отпраздновали годовщину трезвости. Все, кроме меня, цитировали книгу, говорили про Шаги и работали по программе. Я же ничего этого не делал. Но я не пил! Когда мне вручали торт на мою годовщину, я встал и сказал: «Я целый год не пил, не торчал и не попал в тюрьму! Спасибо!» После этой пламенной речи я культурно сел на своё место. Моя жена пошла в Ал-Анон, дети - в Алатин, собака - в Алапёс, а кошка – в Алакот!.. Да!

Вот скажите мне, если у нас единство цели и вся семья страдает от алкоголизма, разве не надо членам этой семьи идти в Ал-Анон и Алатин? Ведь следуя понятию единства цели, они не смогут обрести то, что им нужно для выздоровления, в комнатах Анонимных Алкоголиков. Объясните мне, как можно водить на собрания АА своих жён и детей, показывать им, что ты нашёл *своего* Бога и при этом не дать им возможности обрести *их* Бога в параллельных сообществах?! Как вы думаете, где они могут найти себя? Где ребёнок, искалеченный семейным алкоголизмом, сможет услышать своего Бога? Только от другого такого же ребёнка, сидя на таких же собраниях, как и мы. Им ведь тоже нужны Шаги.

Больше всего на свете я хочу для своей дочери, чтобы её дочь – моя внучка – которой недавно исполнилось 3 месяца, смогла избежать участи всей остальной семьи. И чтобы была молитва, которую я и моя дочь готовы повторять неустанно – молитва, которая даст возможность прервать эту жуткую цепь алкоголизма... Чтобы моя внучка никогда не узнала, что это такое, потому что у неё, в отличие от всей остальной семьи, есть выбор.

Я бы очень хотел, стоя здесь, сказать вам, что как только я протрезвел в моей семье всё пошло, как по маслу... Но моя трезвость была хуже, чем похождения многих пьющих. Ведь там был всё тот же я. А что ещё я мог туда принести?

Моя жена пошла в Ал-Анон и нашла себе спонсора. Они послали меня на все четыре стороны! Мне пришлось выплатить весь мой долг – 250 тысяч долларов с интересом! И моя жена не помогла мне ни одним центом. Мало этого! Она категорически отказалась жертвовать чем-либо в своём стиле жизни, пока я выплачивал эти деньги! У меня заняло 14 лет, чтобы выплатить эту сумму. Не скажу вам, что я получил от этого хоть какое-то удовлетворение, поскольку никаких видимых результатов этой выплаты продемонстрировать не могу. Я сделал это только потому, что хотел остаться трезвым! Вот и всё!

Я понятия не имел, что нужно делать. Я был абсолютно сумасшедшим! И даже не подумаю вам рассказывать, что я пришёл в Анонимные Алкоголики, и жизнь стала прекрасной. Я сидел на собраниях и излучал ненависть. Это было единственное чувство, которое я знал. Я не могу понять тех, кто заявляет, мол, ещё вчера я ненавидел этих людей, а теперь я их люблю. Как это возможно?! Если это лучшее, на что ты способен – уматывай ко всем чертям из бизнеса ненависти! Я ненавидел всех *одинаково и равномерно!*

Помню, как я сидел у Рона и скрипел зубами от ненависти. Было у меня тогда месяцев 6 или 8 трезвости. Меня выворачивало от злобы на всех и всё. Зато я был трезвый... Рон достал из кармана спички, оторвал от них картонку и протянул мне вместе с огрызком карандаша размером с мизинец. А потом сказал: «Иди-ка ты домой и займись Четвёртым Шагом». Как он мог позволить себе такое по отношению ко мне?! Да, такому, как я следовало бы подарить пачку бумаги лучшего качества для официальных документов! И десяток стильных ручек!

А ещё помню, когда я сделал инвентаризацию страхов, то у меня в списке их набралось 150 штук. Я принёс этот список Рону. Он взял его, просмотрел, вычеркнул 140 из них и сказал: «Ты не такая важная птица». Ну, у меня там, например, в одиннадцатом пункте было написано: «все перечисленные вместе взяты». И так оно и было. Всё то, что раньше выплёскивалось наружу, теперь наоборот – скапливалось внутри меня. Я буйствовал, когда пил. А теперь, когда я протрезвел, это всё оставалось во мне.

Я сидел на собраниях с таким количеством оружия, что если бы вы случайно задели меня, то стрельба не прекращалась бы ещё несколько часов...

Как-то раз я стал ныть по поводу того, что должен деньги хозяину одного ночного кабака. Рону надоело слушать меня, и он рявкнул: «Так иди и разберись с этой темой!» Я поехал к этому мужику домой. Постучался в дверь. Он открыл. Его звали Вёрни. Это был здоровенный детина. Он несказанно удивился, увидев меня. Я выпалил ему скороговоркой: «Ты не переживай. Я теперь в АА и обязательно расплачусь с тобой!» Он и рта не успел раскрыть, а я уже запрыгнул обратно в машину и умчался оттуда обратно в клуб. Рон сидел там и беседовал с другими алкашами. Увидев меня, он сказал: «Я же послал тебя к Вёрни!..» Я ответил, что уже съездил к нему. Рон удивлённо воскликнул: «И он тебя не убил?! Удивительно. Ну, если у тебя получилось, то может и мне так попробовать!» Я понял тогда, что они просто использовали меня для проверок, что сработает, а что нет.

Я решил заняться бегом. Предпочёл бегать, чем работать по Шагам. Снашивал по две пары кроссовок в неделю. Я бегал, бегал, бегал, бегал... Сумасшедший. Трезвый и совершенно безумный! Сбросил где-то 80 фунтов (около 36-ти килограммов) за 3 недели. Я вдруг обнаружил, что могу без помощи зеркала разглядеть свой живот, пупок... ну, и кое-что пониже, чего я уже давно не видел... При этом я умираю. У меня кровотечение изо всех отверстий – потеря крови. Зато я духовный!

В следующий раз, когда кто-то скажет вам, что он весь из себя духовный, посмотрите внимательно на цвет его ногтей. Если там нет никакого намёка на розовый цвет, а лишь одна белизна, то, может, он конечно и духовная личность, но он к тому же ещё и полумёртвый.

Мои ногти были абсолютно белого цвета. С тремя с половиной годами трезвости я лежал дома, весь из себя крутой, а моя жена была вынуждена вызвать врача. Меня сразу же увезли в госпиталь. А я на тот момент крутил-вертел своим бизнесом, отгрохал шикарную, огромную хату, в гараже стоял Кадиллак, на запястье болтался Ролекс, а шкафы были забиты фирменным шмотьём. И вот в три с половиной года трезвости меня кладут на каталку и вывозят из дома. Даже не дали мне надеть мои часы! Провезли меня мимо шкафов с одеждой, мимо цацек, мимо Кадиллака и мимо собравшихся соседей. Погрузили меня в скорую и увезли. В госпитале меня поместили в реанимацию рядом с каким-то мужиком – хозяином бара, который допился чуть ли не до смерти. И вот я, с тремя с половиной годами трезвости, лежу рядом с ним и кровотоку изо всех дыр. Помню, как я лежал там и думал: «А кто будет ездить на моей машине?»

Врачам пришлось влить мне 9 пинт (4 с лишним литра) крови. Доктор сказал моей жене: «У него было так мало крови, что если бы он чихнул, то могло бы случиться повреждение мозга». Моя жена воскликнула: «А кто бы это заметил?!». Вот-вот, они всегда так поступают, когда мы беспомощны!

Меня отправили на все существующие тесты. А потом, как это чаще всего бывает с алкоголиками, врач смотрел на меня, разводил руками и говорил: «Мы не можем понять, почему это происходит». Я оказался в том одном проценте людей, которые кровоточат без всякой причины. И я вам скажу, нет ничего хуже, чем иметь какую-то болячку и не знать, что с ней делать. Я был в полной растерянности. Анонимные Алкоголики приходили ко мне и говорили: «Не умирай, пожалуйста, Мы тебя любим». А я ненавидел их. Ненавидел и не понимал, как они могут говорить мне такие слова после всех моих стараний оттолкнуть их от себя.

И по Шагам я уже работал, и молился... Занимался служением – был секретарём, был ведущим, заседал в каких-то комитетах... и при этом я умирал там внутри себя. Умирал и не знал почему! Я сижу на собраниях, слушаю как вы рассказываете о своей хорошей жизни, а у меня хоть на лбу пиши: «Ты ничто, ничем ты и останешься». Спонсор моей жены сказала: «А что если это лучшее, чем он может быть?» Жена пришла и рассказала мне об этом. Я возненавидел и её спонсора, и весь Ал-Анон в придачу. Может быть от страха, что она оказалась права – а что если это действительно так? Я не понимал, что со мной происходит и на каком я свете. Проснувшись в субботу утром и, собираясь на собрание, я пытался решить, кем буду сегодня. Я нарядился в ковбойские сапоги, джинсы, стильную жилетку и ковбойскую шляпу. Долго крутил задницей у зеркала. Моя жена, увидев эту картину, шла звонить своему спонсору. Я подбегал к ней, чмокал в щёчку, выходил и садился в свой грузовичок-пикап и ехал на собрание. На полпути туда я вдруг решал: «Нет, сегодня у меня не ковбойское настроение». Я разворачивался и ехал обратно домой. Моя жена всё ещё беседовала со своим спонсором по телефону. Я быстренько переодевался во всё кожаное, менял шляпу на косынку – сегодня я байкер! Снова вертелся перед зеркалом, чмокал жену и бежал заводить свой Харлей, чтобы, увидев меня приехавшим на собрание, вся АА-евская старая гвардия сдохла от зависти. Не доехав до собрания, я вдруг решал, что сегодня не буду становиться центром всеобщего внимания. Я разворачивался, ехал

домой и снова переодевался. Потом я стоял у зеркала в выходном костюме, при галстуке и репетировал несколько каких-нибудь, только что найденных в словаре мудрёных слов, которые очень подходили к моему изысканному внешнему виду. Затем я опять целовал жену, садился в свой Кадиллак и ехал на собрание. Уже подъезжая, я вдруг осознал, что забыл те умные слова, которые только что выучил. Не мог же я ехать на собрание в таком прикиде без соответствующего лексикона! Приходилось снова возвращаться домой, быстро переодеваться, на этот раз в спортивный костюм и бежать на собрание. Так что не удивляйтесь, если заметите на собрании уставшего новичка. У меня, как видите, был ещё и кризис самоидентификации. Спонсор моей жены как-то раз спросила: «Сколько же людей живут у вас в доме?» Жена ответила: «Да, только мы вдвоём. Но муж никак не может разобраться, кто он такой. Слава Богу, сегодня у него всего четыре варианта!» Вот какая у меня была дилемма! И я понятия не имел, что с этим делать. Я бесконечно признателен старой гвардии Анонимных Алкоголиков. У них хватило мудрости, понимания и терпения спокойно наблюдать за таким, как я. Они-то понимали, что мне придётся сдать. Оказывается для трезвости надо сдаваться... Даже говорить об этом не хочу. Моя жена однажды спросила меня: «Когда же ты, наконец-то, будешь просто алкоголиком?» А я недоумевал: «Ты о чём?»

Я тот, кто, будучи секретарём и казначеем одного из собраний в Алано Клубе***** в Анахайме (штат Калифорния) поехал в Лас-Вегас со своим спонсором и для этой поездки прихватил с собой все деньги группы. Правда, я оставил расписку в конверте, где хранились деньги. В этой поездке я узнал про себя от спонсора кое-какие вещи, которые очень удивили меня. Остальное вы можете сами дорисовать...

Как-то раз я стоял возле клуба в полной растерянности. Меня не покидала мысль, что всё лучшее в моей жизни уже позади. Вдруг я увидел рядом с собой, какого-то странного дурика. Это было ещё то зрелище. По росту он был слишком высок для карлика, но и до нормального человека он не дотягивал. Нелепая панاما держалась на его голове только благодаря оттопыренному уху. Он был в пляжных шортах и во вьетнамках. «Чего тебе?» – буркнул я. Заворожено глядя на меня, он проблеял: «Ты можешь быть моим спонсором?»

«Блин, – подумал я, – за что мне это? Я видимо совершил что-то ужасное. И вот оно – наказание! Неужели мне придётся быть спонсором у этого клоуна?» Я ждал, что какой-нибудь богатый врач или запакованный юрист попросят меня быть спонсором. Я б тогда мог занять у них денег.

И Рон тоже был хорош. Он никогда не стоял рядом со мной. Вместо этого он уходил на другую сторону комнаты. Он подходил к новичкам и говорил им что-то, показывая на меня пальцем. Однажды я не выдержал и спросил у одного из новичков: «Что тебе Рон сказал про меня?» Тот ответил: «Он сказал, что, если я сорвусь, то стану похожим на тебя». Иногда лучшее, чем ты можешь быть – это плохим примером в своей группе!

А я хожу в АА и умираю. Я умираю и не знаю этого!

Доктор Тибот говорил о том, что это алкоголика будет воскресать вне зависимости от срока трезвости и поэтому его необходимо постоянно сокрушать,

если мы хотим оставаться трезвыми. Обожаю старую гвардию, потому что они знают это. Сегодня тут собрались человек 40 моих близких друзей. Это 6 или 7 поколений спонсорства. Может быть, поэтому я не вижу надобности цитировать здесь Шаги. Рон сидит в середине с 30-ю годами трезвости. Все они внимательно наблюдают друг за другом. Я люблю этих людей, потому что они любят меня. А ещё они знают, как правильно выбрать момент, чтобы их услышали. В спонсорстве это необходимо.

Итак, я стал возить этого кадра на собрания. Мы беседовали. Он рассказывал мне о своих похождениях и спрашивал: «А у тебя такое бывало?» Я отвечал ему, что со мной тоже такое случалось. А потом рассказывал что-нибудь из своих приключений. Он с ужасом смотрел на меня и говорил: «Во ты больной!.. Нам срочно надо на собрание...» Потом я отвезил его домой, а на следующий день забирал снова и мы ехали слушать спикерскую какого-нибудь «духовного гиганта». После этого мы садились в машину, и он говорил: «Нам надо читать Большую Книгу! А лучше, чтобы случилось какое-то чудо и у нас сразу бы произошло духовное пробуждение!» Я удивился: «Ты о чём?» Он с жаром пояснил: «Ну, что-то такое, чтобы нас швырнуло прямо в духовность. Какое-нибудь видение... гром среди ясного неба или горящий куст, как в Библии...» А я думал: «Мне б сейчас бензинчика – я б тебе башку поджжёг». У меня в бардачке лежала пушка. Я достал её, приставил к его голове и сказал: «Я сосчитаю до десяти, а ты молись. Если к концу счёта у меня не хватит злости, чтобы продырявить тебе купол, считай что ты сделал Третий Шаг». Я медленно считал, пока он молился... Вдруг он выскочил из машины, побежал в клуб и нажаловался на меня. Но там только посмеялись над нами. Я отвёз его домой. А на следующий день он явился ко мне с Большой Книгой и пачкой бумаги. Он заявил, что хочет сделать Четвёртый и Пятый Шаги. Я сказал ему: «Так Четвёртый у тебя уже должен быть написан, когда ты приходишь к спонсору!» А он ответил: «Я не умею писать». Он подвинул ко мне листы бумаги и сказал: «Я буду говорить, а ты пиши». Он стал рассказывать, а я записывал. Периодически он спрашивал меня: «Ты когда-нибудь вытворял такое». И я отвечал: «Да. Бывало». Я рассказал ему кое-что из своих историй. Вспомнил пару, которые забыл написать в своём Четвёртом Шаге. Бог всегда появляется, когда алкаши пытаются протрезветь. А поскольку этот чурка не умел писать, то я засунул то, что вспомнил в его инвентаризацию. Короче, подложил часть своего дерьма в его кучу! А почему нет?! Богу всё равно! Главное – написать всё, что помнишь! Мы потом сожгли эту инвентаризацию. Вот как мы разгрузились!

Он подбежал ко мне и поцеловал меня в щёку. Я подумал, что так дело может пойти и до развода с женой. А когда мы молились в обнимку и он забрался ко мне подмышку, так я вообще испытал какое-то чувство возбуждения – хоть иди да проверяй мою сексуальную ориентацию. То-то же все здесь обнимаются и целуются... А что? Мне нравится!..

И, как уже говорилось, я признателен всем тем, у кого хватило на меня терпения. А ещё я благодарен, что Бог дал мне мужество и решимость оставаться трезвым день за днём пока, наконец, до меня дошла наша весть и пока она переходила из моей головы в моё сердце. Самый долгий путь – это путь из головы в сердце.

Я выслушал Пятый Шаг этого клоуна. Он рассказал мне всё то, что натворил. И я вдруг понял, что с этого момента для меня стало невозможным совершить хотя бы один из таких поступков и остаться трезвым. Он тогда, в полном смысле этого слова, дал мне совесть. Совесть. Ведь, услышав чей-то Пятый Шаг, уже невозможно смотреть в глаза этому человеку и полагать, что я не такой, как он. Глядя на все эти недостатки, стало ясно, что я ничем от него не отличаюсь.

Многие, сдав Пятый Шаг, стремятся сразу перепрыгнуть в Восьмой. Я так делал. Кинулся «работать» над своими недостатками. Эта «работа» чуть не убила меня. Ещё б немного и я бы угодил в тюрьму на трезвую голову.

Мы часто подходим к этому с позиции: «я буду работать над этим недостатком, а потом избавлюсь от него». Я чуть с ума не сошёл, пытаюсь разобраться, как долго мне надо работать над недостатком прежде, чем я могу от него избавиться.

Видите ли, некоторые из моих недостатков мне нравятся. Они часть меня. А известно ли вам, что недостаток для меня не является таковым, пока он не причиняет мне боли? Он может сводить вас с ума, но если меня он не беспокоит, значит – это не недостаток!

Я обожаю свои недостатки. Частенько нахожу себя окружённым ими. Я не хочу от них избавляться. Я лишь хочу быть полностью готовым избавиться от них. Потому что, если мне надо от них избавиться, то от меня потребуются какие-то действия. И я буду вновь и вновь наткаться на свои недостатки. А это болезненно. Но боль для таких, как мы – это краеугольный камень прогресса. Разница в том, что сегодня у меня есть возможность жить без этой боли. Я рад, что у меня есть недостатки. Потому что, если бы не чувство вины, я бы не знал, что я неправ. Мне пришлось взять многие из своих недостатков и превратить их в достоинства, вместо того, чтобы пытаться избавиться от них. Злобу пришлось трансформировать в энергию. Я стал служить на группах, в комитетах и на конференциях. Я стал интенсивно работать с новичками. И выяснилось, что мне никогда не было нужно ничего кроме Анонимных Алкоголиков. Мне не надо больше ничего искать. Надо просто оставаться алкоголиком. И говорить с другими алкоголиками. Один алкаш беседует с другим алкашом...

Сегодня у меня отсрочен приговор. Это зависит только от того, как я поддерживаю уровень своей духовности. А я не нашёл лучшего метода обретения духовности, чем работа с другим алкоголиком. Не берусь говорить за остальных. Но в разговоре с другим алкоголиком происходит нечто духовное. Это позволяет мне вылезти из своей головы. До и долгое время после моего прихода сюда я был, как вросший волос – я мог думать только о себе. Что вы сделаете для меня? Что вы мне дадите? Что я получу из всего этого вместо мысли о том, что я могу дать. И только дойдя в трезвости до полного отчаяния, я стал готов делать всё, что угодно: отдавать долги, проявлять доброту, быть хорошим отцом для своей дочери...

Я понятия не имел, как быть отцом! Помню, как она пошла в Алатин и постепенно стала меняться. Волосы больше не закрывали её лицо. Мальчишки стали обращать на неё внимание. Однажды она соврала мне, и я поймал её на этом. Не знаю, зачем ей понадобилось врать. На следующий день вечером она хотела пойти посмотреть баскетбольную игру в школе. Друзья посоветовали мне не

наказывать её. Они говорили, что, наказывая ребёнка, мы наказываем себя больше, чем его. Я не разрешил ей выходить из дома. Она проплакала всю ночь. И мне было страшно жалко её. Я беспокоился, что причинил ей боль. Но я также помнил, что мне необходимо демонстрировать последовательность в поступках. Это неотъемлемая часть трезвости. Если я сказал, что сделаю – я должен сделать.

Утром она попросила меня отвезти её в школу. Я подвёз её к входу. Она повернулась ко мне и сказала: «Пап, я не хочу говорить всем им, что не смогу прийти на игру. Ты же знаешь, что в школе всегда есть у кого взять наркоты... Я ведь могу пойти и употребить...» Она знала, как задеть меня. Я попросил Бога дать мне нужные слова. Есть у меня такая простая короткая молитва, которой я пользуюсь уже давно. И слова всегда приходят. Порой сразу, а порой спустя какое-то время. Но они приходят. Тогда они пришли сразу. Я посмотрел ей в глаза и сказал: «Доченька, я хочу сказать тебе кое-что. Я не пойду в школу с тобой. Тебе придётся идти туда одной. Я очень люблю тебя. И ты всегда будешь моей малышкой, что бы ни случилось. Но прежде чем ты пойдёшь употреблять, прошу тебя, вспомни, что было, когда я употреблял. Ты ненавидела меня за то, каким я был. И даже если, зная всё это, ты решишь пойти и употребить, то по-прежнему останешься моей дочуркой, и я всё равно буду любить тебя. Но если ты сделаешь это – домой не приходи. У нас трезвый дом. Тебе придётся найти другое место жительства. И помни, куда наркота и алкоголь привели меня. Потому что эта память – одно из самых больших твоих достояний. Вот, пожалуй, и всё, что я могу тебе сказать».

Она чмокнула меня в щёку и пошла в школу. Когда я забрал её, она была трезвой. Она проплакала всю дорогу домой. Дома жена спросила: «Что случилось?» Я рассказал. А потом добавил: «Мне кажется, надо было сказать что-то другое. Но это всё, что я смог ей ответить. Моё прошлое в такой ситуации – это моё самое большое достояние. И это единственное, что я могу дать моему ребёнку».

Моя дочь смогла сделать правильный выбор, потому что она ходила в Алатин и понимала разницу. Она смогла его сделать, потому что у неё была возможность выбирать!

Она продолжала быть активным членом Алатина, а потом перешла в Ал-Анон. Когда ей было 19 лет и она в очередной раз засела за Четвёртый и Пятый Шаги, нас попросили вместе выступить на конференции Ал-Анона. А она зависла в этом Четвёртом Шаге. И тогда я сказал ей: «Ты уже давным-давно сидишь в Четвёрке. Если ты не сдашь Пятый Шаг, я не буду выступать с тобой». Она ответила: «Ты не можешь говорить мне, когда я должна сдавать Пятый шаг. Это моё дело». А я сказал ей: «Я не говорю тебе, *когда* ты должна сдавать его. Я говорю, что не пойду стоять с тобой перед аудиторией наполненной людьми, если ты застряла в Четвёртом Шаге. Это нечестно по отношению к ним, да и ко мне». И что вы думаете, она шустренько доделала свою Четвёрку, договорилась со спонсором и сдала Пятый Шаг.

В тот вечер она пришла домой, крепко обняла меня и сказала: «Папуля, я обожаю тебя. И я благодарна, что ты трезвый. Я так рада, что работаю по программе. Помнишь, как ты убил нашу собаку у меня на глазах?.. Я ненавидела

тебя тогда и долгое время после. Но я, наконец, пришла к пониманию, что это была твоя болезнь. Это был не ты. Я знаю, что ты любишь животных. Ты всегда их любил. Но тогда ты был в том месте, куда тебя привёл алкоголизм. Знаешь, в Пятом Шаге я рассказала спонсору о том, как однажды доставала бельё из сушильной машины и наша кошка запрыгнула туда, потому что там было тепло, а дома холодно. Я почему-то страшно разозлилась тогда на неё. Закрыла её в сушилке и прокрутила несколько оборотов – всего-то пару секунд. Я поняла, что поступаю неправильно. Открыла дверцу. Кошка пулей вылетела из сушилки, запрыгнула мне на руки и прижалась к моей груди. После этого полтора года я мучила бедную кошку, периодически засовывая её в сушилку. Ты убил собаку, не издеваясь над ней. Но это было издевательством над людьми. А я мучила животное. Мне пришлось осознать это. И знаешь, пап, что самое ужасное? Я ведь искала себе мужчину, который «любил» бы меня так. Не удивительно, что у меня ничего не получалось в отношениях. Потому что моя идея любви очень походила на поведение этой кошки, когда она выскакивала из сушилки – в страхе прижаться к кому-нибудь. А сегодня я признательна, что могу видеть всё это».

Когда у меня было лет 8 трезвости, я усиленно занялся служением в комитетах и на конференциях, потому что заметил, как часто срываются те, у кого больше 10-ти лет. Меня даже выбрали председателем одного из съездов. Ну, больные люди только больного и выберут. Чего ещё от них ожидать?..

И вот в одно из воскресений после заседания комитета я остался прибрать помещение. Со мной была моя дочь и один новичок. Пока мы убирались, я нашёл мужскую сумочку – крупную борсетку. Я сам такие не ношу и, если честно, никто из моего окружения такие не носит. Но она явно принадлежала кому-то из членов комитета. Я взял сумочку, открыл её и автоматически стал искать деньги. Потому что это – я! Роясь в сумочке, я заметил, как моя дочь и новичок наблюдали за мной. Я нашёл документы, определил, чья это сумка и позвонил хозяину. Мы встретились позже на собрании, я отдал ему борсетку и он сказал: «Кис, огромное тебе спасибо! У меня ведь там деньги, кредитки, все мои записные и банковские книжки. Ты меня спас. Если я когда-нибудь смогу хоть что-то сделать для тебя, пожалуйста, дай знать». И я помню, как посмотрел на него, высокомерно усмехнулся и кивнул в ответ. Но, на самом деле, мне очень хотелось сказать: «Спасибо, конечно, но ты, братишка, для меня ничего сделать не можешь. Радуйся, что получил обратно свою авоську». Однако я промолчал.

Четыре года спустя моя дочь пришла домой и сказала, что хочет поехать в Милан. Она уже давно хотела стать моделью. В Алатине и позже в Ал-Аноне все говорили ей: «Не бойся, иди за своей мечтой!» Она уже несколько лет пробивала эту тему: объездила разные страны, побывала на Востоке... и вот решила поехать в Италию. Она сама заработала деньги на эту поездку. Это была её мечта. Она не знала итальянского. Но у неё была надежда. А надежда – это ни что иное, как видение за пределами текущих обстоятельств.

Я отвёз её в аэропорт. Дал ей немного денег. Мы попрощались, поцеловались, и она улетела в Милан с мечтой, Богом и программой выздоровления. От неё не было никаких вестей почти 8 недель. Мы переволновались. Не знали, что и думать – жива она или что-то с ней случилось?..

Как выяснилось позже, прилетев туда, она заболела. Потом, придя в себя, стала искать собрания Ал-Анона, которого тогда в Италии фактически не было. И всё это, не зная языка! В результате ей удалось найти Анонимных Алкоголиков. Она связалась с ними, и там нашлись люди, которые кое-как могли объясняться по-английски. Они приехали и отвезли её на собрание АА. Там собралось 16 человек. И вот она – член Ал-Анона – сидит на закрытом собрании Анонимных Алкоголиков. Все представились по кругу. Слава Богу, что эти люди отнеслись к ней с любовью и терпимостью! Они попросили её поделиться опытом программы выздоровления, несмотря на то, что она является членом Ал-Анона. Это было не первое её выступление. Она знала, как надо доносить наши идеи. Так вот, одним из людей, оказавшихся на этом собрании, был тот самый парень, которому я вернул сумочку. Он подошёл к ней после собрания и спросил: «Твой отец Кис Драм?» Она ответила: «Да». А он сказал: «Я его должник... Я собирался улететь сегодня обратно в Штаты. Но по непонятным причинам задержался. Теперь мне ясно, почему всё так обернулось. Мы сейчас поедем к тебе, заберём твои вещи и я перевезу тебя в другое место. Там живут девушки, занимающиеся модельным бизнесом. Я познакомлю тебя с агентом и дам тебе аудиозаписи для ускоренного изучения языка. А на следующей неделе, когда прилечу в Штаты, я свяжусь с твоими родителями и дам им знать, что у тебя всё в порядке». И он приехал к нам и всё рассказал. Это случилось 15 лет назад.

Не берусь утверждать, что, поступив когда-то правильно – отдав этому парню его сумочку – я, таким образом, спас жизнь своей дочери. Но если бы я, будучи трезвым, вёл себя в АА так же, как когда пил, то моя дочь ни за что бы не позвонила Анонимным Алкоголикам, потому что она бы не доверяла им. А ведь тогда она бы могла остаться в той комнатухе, где жила и кто знает, чем бы это закончилось.

Ветераны АА учили меня: «Никогда не делай сегодня то, что через несколько лет может взять тебя за глотку». И если бы я не поступил правильно, то этот парень не чувствовал бы себя моим должником... Какой бы тогда была вся эта история?

Моя дочь принимает активное участие в нашей программе. Она сделала много переводов для итальянских Ал-Анона и АА. У них тогда было мало литературы. Она помогала организовывать спикерские собрания и конференции. Она спонсирует итальянских женщин и проводит группы, на которых они прорабатывают Шаги. Она с двумя подружками раньше ездила на поезде каждую среду на военную базу НАТО, чтобы попасть на собрание. Поездка туда и обратно обходилась ей в 50 долларов. А домой она возвращалась далеко за полночь. Она помогла и продолжает помогать огромному количеству людей. Кстати, женщина по имени Арбютус О'Нил, у которой самый долгий срок из живущих членов Ал-Анона, на следующей неделе едет в Италию. Она будет проводить семинар на домашней группе моей дочери. Арбютус уже 40 лет в Ал-Аноне. Группа моей дочери пригласила её. И она поедет туда нести нашу весть.

Моя дочь вышла замуж за прекрасного парня. Он обожает её. Они подарили мне внучку.

И нет в этой истории никакого волшебства. Я не сказочник! Мы вкалывали ради всего этого! И не верьте никому, кто скажет, что достаточно просто протирать

штаны на собраниях или, что вам хватит одних молитв! Мы пахали ради нашей трезвости, как проклятые! И нам было больно потому, что недостатки не хотят уходить сами! Но мы приняли эту боль и мы изменились! И нет здесь ничего лёгкого! Вот почему 90 с лишним процентов алкоголиков умирают, так и не протрезвев.

Это самое трудное, что мне пришлось сделать. Помню, как ко мне подошёл один из старой гвардии и, ткнув меня в грудь, сказал: «Ты думаешь, что ты крутой? А попробуй-ка остаться трезвым!» Он не прикалывался надо мной.

Надо измениться. А мне страшно меняться. Мне страшно оставаться таким же и страшно меняться. Значит, придётся меняться, потому что если не изменюсь, то я обязательно снова пойду пить.

А теперь хочу быстренько рассказать вам кое-что. Может быть, вы не запомните ничего из того, что я говорил. Но уверен, что вы запомните эту историю. Жила в Европе одна семья – мать, отец и маленькая девочка. И была у них мечта уехать в Америку. Зарабатывали они мало. Им пришлось долго экономить, чтобы купить билеты на корабль, который, плывя в Америку, иногда швартовался в бухте возле их маленького городка. Наконец они собрали достаточно денег, купили билеты, собрали вещи и отплыли на этом корабле к своей мечте. Они очень любили друг друга. Четыре дня они просидели в своей каюте, обсуждая, какой будет их жизнь, когда они наконец-то приплывут в Америку – «землю свободных и отчизну смелых»*****

После четырёх дней в каюте их дочурка обратилась к отцу: «Папуля, я знаю, что у нас почти нет денег и, что поэтому мы едим галеты и сыр. Но я уже больше не могу их есть». Отец обожал её. Он достал из кармана доллар, дал ей и сказал: «Иди, купи себе мороженое». Девочка убежала и пропадала где-то целый час. Отец и мать от волнения не находили себе места. Вдруг раздался стук в дверь. Они открыли и увидели свою дочку. У неё на лице сияла улыбка до ушей. Отец кинулся к ней и спросил: «Где ты была? Мы же тут чуть с ума не сошли!» Дочка ответила: «Представляете, я нашла столовую! А там мне дали мясо с картошкой и два мороженых!» Отец поразился: «Тебе всё это дали за доллар?!» А дочь воскликнула: «Нет, конечно, папуля! Еду дают бесплатно. Она входит в стоимость билета!»

Это не история о любви. С любовью у них было всё в полном порядке. Это история о невежестве и об учителях.

Родные мои, я, как и многие из вас, пришёл в Анонимные Алкоголики с галетами и сыром. Сегодня меня это не устраивает. Я хочу большего... Однако в АА полно людей, которых вполне устраивают галеты с сыром. Так что будьте внимательны, выбирая себе учителей.

Я пришёл в АА, будучи невеждой. Шаги помогли мне преодолеть моё неведение. Я не сделался умным, но обрёл опыт, дающий осведомлённость.

Не соглашайтесь на галеты с сыром! В этом нет необходимости.

Вы заслуживаете лучшего!

И позвольте напомнить вам, что в АА Бог бесплатный.

Он входит в цену билета!

Спасибо!!

* беники (*от англ. сленг «bennies»*) – бензедрин; амфетамин в таблетках; свободно продавался в аптеках в 60-х и в начале 70-х годов, позже стал доступен только по рецепту, а к началу 80-х его запретили.

** белая молния - «white lightning», популярная разновидность самогона.

*** «Космическая одиссея 2001 года» (англ. 2001: A Space Odyssey; вариант перевода - «2001 год: космическая одиссея») - научно-фантастический фильм американского режиссёра Стэнли Кубрика (1968), ставший вехой в развитии кинофантастики.

**** Алкафон (Alcathon) – обычно в АА устраивают такое подобие марафона во время праздников (например, новогодних), когда многим новичкам трудно справиться с желанием выпить. В клубах АА весь день и всю ночь безостановочно одно за другим, проходят собрания.

***** Алано Клуб – одно из самых распространённых названий клубов АА.

***** «земля свободных и отчизна смелых» – последняя строка американского гимна, крылатая фраза в Америке.